

ИЗУЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ П.Н. ТКАЧЕВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1880-х – НАЧАЛА 1900-х гг.

Статья посвящена проблеме изучения революционной теории П.Н. Ткачева в дореволюционной историографии, в которой рассматриваются оценки взглядов Ткачева исследователями, принадлежавшими к радикальному и либеральному направлениям общественной мысли.

Ключевые слова: революционная теория; П.Н. Ткачев.

Проблема, связанная с рассмотрением социально-политических взглядов П.Н. Ткачева в отечественной исторической науке досоветского периода, до сих пор остается малоисследованной. Между тем в 1880-х – начале 1900-х гг. без упоминания имени Ткачева не обходилось практически ни одно исследование по истории общественной мысли и революционного движения второй половины XIX в. Одним из первых обратился к анализу идейного наследия Ткачева Г.В. Плеханов. В 1883 г. вышла его брошюра «Социализм и политическая борьба», направленная на «разоблачение» народнических «иллюзий» о возможности миновать капиталистическую стадию развития и сразу совершить прыжок в «царство социализма», о вере в крестьянство как действенную революционную силу, преклонении перед русской общиной и т.д. Плеханов являлся убежденным марксистом западноевропейского образца и решительно восставал против подобного внесения иррациональных моментов в революционный процесс. Исконно русский дух бунтарства был ему чужд, как и безответственные призывы к захвату власти партией революционного меньшинства, неоднократно раздававшиеся со стороны заграничной группы революционеров-бланкистов, которую возглавлял Ткачев. Для критики взглядов Ткачева Плеханов использовал две его работы «Открытое письмо г-ну Фридриху Энгельсу» (1874) и программное заявление журнала «Набат» (1875).

В теории Ткачева Плеханов выделяет две основные тенденции – бланкистскую и анархическую. Бланкистская тенденция связана с большим вниманием к политической борьбе и захвату власти посредством заговора, анархическая – с подчеркиванием самобытности русского исторического процесса и коммунистических инстинктов русского народа, его постоянной готовности к революции. Плеханов не принимает идею прихода к власти революционного меньшинства в неподготовленной к социалистическим преобразованиям стране. Это может привести не к обществу социальной справедливости, а обернуться несчастьем для народа и восстановлением реакции. Русские бланкисты должны все тщательно обдумать и взвесить прежде чем решиться на такой шаг, иначе они нанесут «страшный вред делу народного освобождения» [1. С. 62]. Особенно трагичной, по мнению Плеханова, будет ситуация, если в случае неудачи заговора к власти придут либералы, опирающиеся на нарождающуюся буржуазию. Либералы прекрасно понимают (в отличие от народников-бланкистов) прогрессивность капиталистического развития и создадут новые государственные институты, соответствующие духу времени. И борьба с либеральным правительством предстоит еще более тяжелая,

чем борьба с самодержавием. Непонимание прогрессивности капитализма – главная слабость народнической концепции. Этот момент Плеханов довольно язвительно высмеивает у Ткачева, порой слишком увлекаясь в полемическом запале. Так, мировоззрение Ткачева представляется ретроградным и даже по-детски наивным. На взгляд Плеханова, Ткачев призывает «старуху-историю» потоптаться на одном месте, подобно библейским героям хочет остановить время, а то и повернуть его вспять. Это слишком упрощенное представление о позиции Ткачева, которое можно объяснить исключительно политической конкуренцией или полемическим задором. Пожалуй, как никто другой в народнической среде Ткачев обладал острым социальным чутьем и реалистичностью взглядов. Он прекрасно осознавал неизбежность капитализации российской экономики, не идеализировал устойчивость общины и т.д. В отличие от Плеханова, Ткачев был не книжным ученым, проповедником западноевропейского марксизма, а теоретиком русской революции, в основе которой лежала формула: чем хуже – тем лучше. Переходный период – самый удачный для революции, считал Ткачев. Экономическая и политическая отсталость только на руку революционерам.

Более обстоятельный разбор взглядов Ткачева Плеханов провел в книге «Наши разногласия», вышедшей в 1884 г. Здесь Ткачев представляется учеником М.А. Бакунина, с более низким, чем у учителя, уровнем мышления и аргументации. Основания для такого заключения те же: вера Ткачева в революционные инстинкты крестьянства и игнорирование им капиталистического пути. Плеханов даже едко замечает, что Бакунин «родил» Ткачева [2. С. 319]. Но тогда Бакунин «родил» не только Ткачева, но и самого Плеханова, как «родил» и Маркса, и Ленина, потому что все они настаивали на отмирании (или уничтожении) государства. Плеханов отказывает теории Ткачева в оригинальности, в праве называться особым течением революционной мысли. При этом игнорируется факт острой критики, а порой просто высмеивания Ткачевым взглядов Бакунина. Похоже, Плеханов находился под впечатлением критики Энгельсом взглядов Ткачева, положения которой он неоднократно цитировал. Как правоверный марксист Плеханов не сомневался в правильности выводов Энгельса, что, конечно же, мешало адекватной оценке доводов Ткачева. По мнению Плеханова, отличие Ткачева от Бакунина состоит только в приверженности первого бланкистской традиции. Но это не означает идейной оппозиции анархизму, это лишь очередное проявление видоизменившегося, изверившегося в неполитическое развитие бакунизма. В работе «Наши разногласия» Плеханов отметил факт прямого влияния

учения Ткачева на формирование идеологии народо-вольчества. Однако вопрос о том, почему же тогда народовольцы отказались сотрудничать с Ткачевым, многие идеи которого они действительно заимствовали, остался открытым. Плеханов ограничился лишь замечанием, что у Ткачева и «Народной воли» была разница в оценке момента, наиболее подходящего для социалистической революции.

Проведенный Плехановым анализ революционной теории Ткачева, пусть поверхностный и предвзятый, стал первым опытом осмысления системы взглядов указанного мыслителя. В 1886 г. в печатном органе русской эмиграции газете «Общее дело», издававшейся в Женеве, появился некролог, посвященный памяти Ткачева. Его автором был А.Х. Христофоров – редактор «Общего дела», который был лично знаком с покойным. Автор не только отдавал дань яркой и недюжинной личности, но и попытался кратко охарактеризовать взгляды Ткачева. В отличие от Плеханова, Христофоров не смешивал социально-политическую концепцию Ткачева с бакунизмом, выделяя в ней бланкистскую струю. Он подчеркнул, что Ткачев резко противопоставил развивавшееся им направление общественной мысли взглядам как Бакунина, так и П.Л. Лаврова. Ткачев являлся самостоятельным теоретиком революции, вся программа которого «держалась на захвате власти» [3. С. 162]. Христофоров отмечает также схожесть (но не идентичность) взглядов Ткачева и народовольцев, особенно в вопросах строительства и организации партии революционеров, поведения социалистических преобразований. Интересны личные наблюдения Христофорова, которые не согласуются с мнением об «одноклеточности» и эпигонстве Ткачева, созданным усилиями Энгельса и Плеханова. Редактор «Общего дела» пишет, что на него Ткачев всегда производил впечатление человека, личность и мировоззрение которого гораздо шире проповедовавшейся им политической программы. При личном общении Ткачев проявлял гибкость мышления и широту взглядов, столь непохожие на его резкие и односторонние статьи. Думается, что отсутствие полемической заданности позволило Христофорову подойти к рассмотрению теории Ткачева с более-менее объективной позиции.

В начале XX в. имя Ткачева встречается в воспоминаниях современников и в исследованиях, посвященных общественному движению в России. Так, С.Г. Сватиков, кратко излагая суть доктрины Ткачева, назвал его представителем особого («якобинского») направления русской общественной мысли, враждебного и бакунистам, и лавристам [4. С. 81]. По мнению автора, стержнем учения Ткачева была идея о захвате государственной власти и ее использования для революционных преобразований. Справедливо отмечая, что по мысли Ткачева деятельность революционного правительства должна носить декретивный характер, Сватиков неточно формулирует отношения этого правительства с народом, заявляя что оно будет приспосабливаться к уровню развития народа. Революционное меньшинство не должно опускаться до уровня косной рутины массы, а обязано всеми средствами тащить ее в «царство свободы». Оно вправе навязать новое сознание и заставить подчиняться новым правилам – об

этом неоднократно писал Ткачев. Эту неточность можно объяснить тем, что Сватиков очевидно характеризовал взгляды Ткачева только по одному источнику – программному заявлению «Набата». Для литературоведа С.А. Венгерова Ткачев был представителем русского бунтарства с якобинским оттенком, человеком, безусловно, талантливым, но грубым и резким в полемике, а иногда и просто вульгарным [5. С. 107]. Эту же бестактность Ткачева в печатных выступлениях отметил Н.С. Русанов.

По его мнению, Ткачев был чистым бланкистом, идеи которого отразила «Народная воля» [6. С. 61]. Историк русской общественной мысли А.А. Корнилов ограничился упоминанием об якобинских пристрастиях Ткачева [7. С. 231–232]. Но поскольку этого увлечения не поддерживало абсолютное большинство русских революционеров 1870-х гг., то для Корнилова личность Ткачева не представляла особого интереса. В отличие от А.А. Корнилова, Л. Барриве подчеркнул, что Ткачев был непримиримым противником «бакунинского анархизма» и его взгляды активно пропагандировала «Народная воля» в контексте официальной программы партии [8. С. 170–171].

Издатель и редактор популярного в дореволюционный период журнала «Былое» В.Я. Богучарский был убежден, что Ткачев проповедовал заговор и террор. Если с первым утверждением можно согласиться, то второе, на наш взгляд, неверно. Ткачев никогда не был сторонником террора (хотя и принципиальным противником тоже), а тем более его проповедником. Именно по этой причине ему пришлось осенью 1876 г. отстраниться от редактирования «Набата», бразды правления в котором перешли к убежденным сторонникам терроризма Г.-М. Турскому и П.В. Григорьеву. Единственными статьями, где Ткачев призывал к террористической борьбе, являются «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России» (1881), «Казнь тирана и ее последствия» (1881) и «Герои-мученики» (1881). Но эти статьи как по духу, так и по тону не являются типичными для Ткачева. Они скорее говорят о кризисе мировоззрения Ткачева на рубеже 1870–1880-х гг. Богучарский пишет также о непопулярности идей Ткачева в революционной среде, называя ткачевизм не направлением, а только «струйкой». Поэтому вразрез с утверждениями других исследователей он говорит о чисто внешнем сходстве между системой воззрений Ткачева и программой «Народной воли». По мнению Богучарского, идеология народо-вольчества сформировалась не в результате влияния Ткачева и его «Набата», а из-за желания народовольцев совместить «верность старым народническим иллюзиям с признанием законности борьбы за политическую свободу» [9. С. 455]. Это утверждение автора стало предметом острой критики со стороны Г.В. Плеханова, рецензировавшего работу Богучарского. С точки зрения рецензента, вопреки «г-ну Богучарскому», многие народо-вольческие статьи написаны «совсем по Ткачеву» [10. С. 155].

Автор обстоятельной статьи о Ткачеве-литераторе М.М. Клевенский обратил внимание на резкость литературной манеры своего героя. Ткачев – «большой охотник до преувеличений, до сильных слов, – пишет Кле-

венский, – до крупно посоленных выражений и нередко доходит до бранчивости» [11. С. 16]. Это, однако, не мешало ему хорошо разбираться в стиле и психологии произведений. Как и многие его предшественники, Кле-венский упоминает о политическом одиночестве Ткаче-ва, об его якобинизме и фанатизме. Он подчеркивает цельность, определенность и последовательность пози-ции Ткачева, ее чуждость эклектизму и эпигонству. Кле-венский указывает на близость взглядов Ткачева на роль экономики в общественном развитии к теории Маркса. До этого данная проблема как-то выпадала из поля зре-ния исследователей. Но, как известно, именно Ткачев первым в русской легальной печати упомянул имя «не-мецкого изгнанника» Карла Маркса (произошло это в одной из рецензий, напечатанной в конце 1865 г. в жур-нале «Русское слово») и всегда в сочувственном тоне отзывался о методе экономического детерминизма. В заключении остановимся еще на работе немецкого исто-рика А. Туна о русском революционном движении, ко-торая была издана в 1917 г. в России с примечаниями известного народника Л.Э. Шишко. В указанной работе Ткачев предстает в образе кровожадного зверя, своеоб-

разного маньяка от революции, теоретиком политиче-ских убийств. Рассказывая о Ткачева, А. Тун рисует портрет апологета терроризма, беспощадного убийцы шпионов, предателей, изменников и вообще «всех тира-нов без различия рангов и положения» [12. С. 115].

Таким образом, в дореволюционной историографии имя П.Н. Ткачева упоминалось, как правило, в общих трудах по истории русского революционного движения и общественной мысли. Практически все исследовате-ли говорили о нераспространенности идей Ткачева, о враждебном отношении к ним со стороны революци-онных кружков, о политическом одиночестве, непри-миримости и фанатизме редактора «Набата» и, нако-нец, стремились подчеркнуть слабое влияние Ткачева на русский революционный процесс. Дискуссионными являлись вопросы самобытности доктрины Ткачева (особенно ее близость с бакунизмом), его отношения к террору и причастности к созданию народо-вольческой идеологии. Следует отметить также, что характери-стика революционной теории Ткачева в указанный период была довольно лаконичной и далеко не исчерпывала суть идейного наследия этого мыслителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Государственное изда-тельство политической литературы, 1956. Т. 1. С. 51–112.
2. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Государственное издательство полити-ческой литературы, 1956. Т. 1. С. 113–370.
3. Христофоров А.Х. Материалы для биографии П.Н. Ткачева // Былое. 1907. № 8. С. 156–172.
4. Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700–1895). Ростов н/Д: Издательство Н. Парамонова, 1905. 204 с.
5. Венгеров С.А. Очерки по истории русской литературы. 2-е изд. СПб.: Общественная польза, 1907. 492 с.
6. Русанов Н.С. Идеиные основы «Народной воли» (К истории народо-вольчества) // Былое. 1907. № 9. С. 37–76.
7. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). М.: Русская мысль, 1909. 264 с.
8. Баррике Л. Освободительное движение в царствование Александра II М.: Типография русского товарищества, 1909. 182 с.
9. Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. Партия «Народная воля», ее происхождение, судьба и гибель. М.: Русская мысль, 1912. 484 с.
10. Плеханов Г.В. Неудачная история партии «Народной воли» // Плеханов Г.В. Сочинения. 2-е изд. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. Т. 24. С. 131–160.
11. Кле-венский М.М. П.Н. Ткачев как литературный критик // Современный мир. 1916. № 7–8. С. 1–26.
12. Тун А. История революционного движения в России. Пг., 1917. 292 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 января 2009 г.